

УДК 1 (091)**В преддверии анаморфного пространства: от зова к молчанию****Каширин Александр Юрьевич**

Кандидат философских наук, доцент,
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого,
300026, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, 125;
e-mail: alex_k1976@mail.ru

Большакова Анастасия Сергеевна

Магистрант,
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого,
300026, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, 125;
e-mail: nastya_b00@inbox.ru

Аннотация

В статье мы пытаемся показать некоторую дистанцию, наметившуюся между классической метафизикой с присущим ей диктатом Другого и новой возможной (цифровой) онтологией, допускающей радикальную инаковость как залог ускользания от Другого. Знакомая нам онтология реализуется посреди двух полюсов: взгляд и голос, меж (и под) ними формируется «Я». Она не допускает молчания и пауз, настоятельно требуя подчинительной Другому позиции. Цифровая экзистенция, в свою очередь, открывает для субъекта возможность обретения безмолвия в отрыве от топологии и временности, безмолвия, в котором голос и взгляд, лишаясь своего надзирающего/зовущего статуса, оборачиваются спасительной галлюцинацией.

Для цитирования в научных исследованиях

Каширин А.Ю., Большакова А.С. В преддверии анаморфного пространства: от зова к молчанию // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 2А. С. 3-11.

Ключевые слова

Молчание, голос, взгляд, глаз, момент, пустота, Другой, галлюцинация, виртуальное пространство

Введение

Данная работа представляет собой предварительный набросок к своеобразной апологетике нового мира, виртуального, всегда ускользающего, мира-момента, который всегда «сейчас» и мира-вечности, который всегда «здесь». Цифровая экзистенция, что может показаться очевидностью, обещает тревоги, разломы, экстатические пределы, перешагнуть которые, мы (в

очередной раз) не готовы. Каким-то образом мы опять в состоянии экзистенциальной растерянности, напоминающей прошлый рубеж веков (XIX–XX), в ощущении наложения heimlich на свою противоположность – unheimlich, в положении грозящей утраты собственного зрения («...[люди] не опасаются утраты никакого другого органа так сильно, как органов зрения [Фрейд, 1919]»)..

Очевидность проявляющихся (как бы мерцающих и ослепляющих в своей материальности) угроз достигает накала всех возможных пределов серьезности и антиномично выливается в комизм ситуации. В бесконечной череде маскировок, тайн, лжи, кодов и шифров, потерь и отрицаний, человечество вновь создало то, что не может понять – это либо продукт гения, либо недопустимая небрежность (впрочем, одно другому не противоречит). Вероятно, разговор о возможных опасностях нового «чудовища» (новой чудовищности (по аналогии с «новой искренностью/открытостью»)) избыточен, но в развитии этих мыслей хочется остановиться (хоть на пару мгновений) и дать волю «спасительной» фантазии, памятуя все же о (пока еще) оставшихся опорных онтологических осколках/островах с их прежней диалектикой (возможно, и негативной диалектикой разрывов), всполохами эстетической рефлексии и самоисчерпанного (избыточного вдвойне) нравственного ригоризма. Серьезность всегда прикрывает обман и требует статичных поз (фокус не удастся, если позволить зрителям свободный доступ в закулисы), статусов, парадигм, «бесповоротных» однозначных решений; в конце концов, серьезность настаивает на смерти – вечном миметичном (подражательном) замирании, более не тревожащем тех, кто все еще требует серьезного принятия их масок (подражая в своей смерти маске, мы становимся ее частью, фиксируем ее пока еще не плотный корпус (corpse)). Комизм, пусть и трагичный, оставляет место жизни – неидентичности; длительности; разговору или молчанию с другим/иным и с собой/иным; игре - и даже вере в фатум/судьбу, которую предлагается переиграть – всему тому, чем и является жизнь. Цифровая экзистенция и есть такая игра, игра инверсий возможных оппозиций/диад/дихотомий: света и тени, жизни и смерти, разговора и молчания, но, как это не парадоксально, инверсивность эта спасительна – в тени, в тиши, и, возможно, в смерти – рождается подлинное Я.

Голос и взгляд как тоталитарные конструкты «классической» метафизики

Феномен тишины всегда выступал некоторой точкой соприкосновения Я и Мира, символом присутствия, вписывающим субъекта в бытие; тишина – и как событие, и как метафора, особенно привлекала поэтов и философов таящимися в ней переживаниями, глубинами смысла и приоткрытием истины. «Только в ненавязчивом слове мысли и поэзии еще слышна тишина бытия», - пишет В. Бибихин в предисловии к работе М. Хайдеггера «Время и бытие» [Хайдеггер, 1993]. И там же: «Люди взвинчивают себя говорением. В век информации слышен уже почти только крик. Бытие никогда не говорит другим голосом, кроме зова тишины. Тишина кажется пустой. Но для вслушивающейся мысли пустота бытийного ничто открывается впускающим простором» [Хайдеггер, 1993, с.9]. Для Хайдеггера молния бытия – «безмолвно озаряющая тишина», зов тиши – «вслушивание» в бытие («Разглядим ли мы молнию бытия в существе техники? Молнию, которая приходит из тишины и сама есть тишина? Безмолвно озаряющая тишина. Что она озаряет? Она озаряет мир, неслышно полня его существо бытием [Хайдеггер, 1993, с. 258]»).. Для Б. Пастернака тишина – «лучшее из всего, что [он] слышал» [Пастернак, 1988], В. Я. Брюсов восклицает: «Тишина, продлись! продлись!» [Брюсов, 1990]. У Ф. Тютчева

«Мысль изреченная есть ложь», и поэт призывает молчать [Тютчев, 2002]. Русскоязычная поэзия вся пронизана тишиной, если и говорить о русской культуре, то тихо. Это, другими словами, культура тишины. Мы всегда говорили тихо, шепотом о том, что кричало в иных культурах/эпохах. Правда не может быть пределом разговора, голоса, и, тем более, крика. Правда — это шепот в темноте; то, что шепчет в качестве всегда Иного. Это не совесть, не Бог и не истина. Правда — это то, что молчанием всегда присутствует в несправедливости. Несправедливости, для которой не появился парейдолический образ, образ не-места. Но человек говорит, и страшен не его собственный голос, а голос-тень, голос-эхо, который за спиной, над головой, всегда незримо здесь. Голос Другого.

Человек говорит, и, вклинившись в поток его речи, незванный гость всегда нарушает ее ход. Этот гость заставляет человека произносить то, чего говорить ему совсем не хочется, от чего получает в каком-то смысле садистское удовлетворение. Человек дает голос тому, что он не артикулирует, что говорит за него само. Это голос «другой сцены», отчужденной, которую Фрейд стал именовать *Unbewusst* (бессознательное), а Лакан – *une-bévue* («оплошность»). Этот двойник, вечно преследующий, как трикстер, ожидающий возможности проявить себя, немой. Ему нужна речь, человеческое слово, голос, иначе он сам обречен на молчание. Но ничего не говоря, он говорит больше самого Я – через Я. «Бессознательное есть дискурс Другого (Лакан, 1997: 81)».

В этом смысле привычная (знакомая нам, узнаваемая) онтология не допускает молчания, она существует и реализуется (воплощается) в разговоре, в диалоге, в конце концов – в Голосе. Она настаивает на самоинтерпретации во всех ее смыслах: Диалог, стремящийся к абсурду своих собственных оснований понимания того, что с Другим нужно говорить – диктаторская тривиальность, сродни софистической уловке (в Диалоге Я полностью во власти Другого (Бахтин, 1994)). Другой освобождает меня от самодовлеющего моего бытия (Левинас, 2000). Но это освобождение не только тотально, оно тоталитарно – Я попадает в ловушку бытия Другого, заботы о себе как о Другом – сферы ответственности, адресованной мне Другим. Таким образом, привычная онтология – сфера действия Голоса, и звучит он, как заметил Лакан, в пустоте Другого. Значение голоса, по выражению психоаналитика, «не в том, чтобы резонировать в каком-то пустом пространстве», он «резонирует в пустоте, представляющей собой пустоту Другого как такового, *ex nihilo* в собственном смысле слова [Лакан, 2010: 342]».

В данном контексте важно, что голос позиционируется как один из объектов влечения, связанного с Другим (Другим местом), и именно из него субъект артикулирует свое собственное желание, руководствуясь влечением зова. И условие артикуляции – пустота Другого, то место, которое не может дать никакого удовлетворения в силу своей необитаемости. «Голос отвечает на то, что говорится, но отвечать за это он не может. Другими словами, чтобы голос мог дать ответ, мы должны включить его в свое тело как инаковость того, что говорится. Именно по этой причине, и не по какой иной, звук собственного голоса представляется нам чужим. Другой, в силу самой структуры своей, формирует определенную пустоту, пустоту отсутствия гарантии. Истина входит в мир вместе с означающим – прежде, чем кто-либо ее успеет проконтролировать. Она поверяет себя и отсылает себя к себе самой лишь посредством тех откликов, что порождает она в реальном. Именно в этой пустоте и возникает голос как нечто отличное от звучания как такового – он не модулируется, а артикулируется. Голос, о котором идет речь, это голос повелительный – он требует повиновения и убеждения. И ориентирован он не на музыкальное звучание, а на слово [Там же: 342-343]». И голос этого Другого, Другой пустоты, таким образом, как бы занимает своеобразную «атеистическую» позицию (в религии

это место Другого занимает всемогущий Бог). Здесь же зовущий голос – голос уже не Бога, а голос самой Другой пустоты, пустоты, «где складывается тот, кто говорит с тем, кто слышит [Лакан, 2014: 360]». И этот голос пугает, как вопль матери, который сопровождает наше прибытие, он символ нашего отсутствия в полноте, и ужасает он именно отложенным моментом будущей заброшенности и желанием вернуться назад. Крик исторжения пугает, но парадоксальным образом зовет – это и символ потери полноты, символ ужаса, от которого в сознании вспыхивает травма рождения (О. Ранк), и знак нашего бегства.

Голос, разговор, диалог – язык в целом – так или иначе сталкиваются с пустотой. Вспомним здесь размышления М. Хайдеггера о языке [Хайдеггер, 1991, с.4], полагавшего, что мы, будучи захваченными постулатом живости (деятельности) языка, позволяем себе упасть в пропасть, но упасть как бы вверх, на высоту. Тавтологичное высказывание «Язык есть языку» вскрывает нередуцируемость языка как такового, невозможность обретения истины где-либо вне языка. Когда мы предпринимаем попытки взглянуть на язык как на нечто иное, чем саморефлективный, самовыразительный, самоисчерпывающий, мы внезапно обнаруживаем, что оказались подвешенными над пропастью – пустотой внешней стороны языка, и при этом погруженными в множественность и тотальность его означаемых. Эта внешняя сторона – пустота, небытие. «Дважды повторено одно и то же: язык есть язык; как это может способствовать продвижению дальше? Но мы и не хотим уходить дальше. Ведь мы можем оставаться там, где пребываем», – пишет Хайдеггер [Хайдеггер, 1991, с.4]. И в англоязычном переводе: «Мы хотели только, хотя бы раз, оказаться там, где мы уже пребываем» [Heidegger, 2001]. Мы не можем и не хотим продвигаться дальше, потому что дальше – то самое небытие, позволяющее сделать вывод, что у языка есть Другой, некоторая радикальная инаковость. Мы хотим хоть раз оказаться в позиции, которую уже занимаем, но каждый раз оказываемся в позиции падения перед Другим, выдаваемой за нашу собственную топологию. А инаковость – не-зовущая, не-затягивающая в головокружительный ритм объективации, в Языке осуществиться не может. Она существует в пространстве-вне-языка.

Так, привычная онтология осуществляется между двумя тоталитарными конструктами, всегда незаметными, флюидными: взгляд как объект власти, потребности Другого (объект, вовлекающий субъекта в диалог только диспозитива «Я-Оно», объект «скопифической потребности, которая направляет субъекта к его собственной аннигиляции, к точке, где желание оказывается утраченным» [Жукаускайте, 2007]) и голос как объект желания Другого (вечно зовущий, тянущий нас к своему невнятному прошлому – к ему предшествующей пустоте). Взгляд — это не взгляд глаза; взгляд, как и голос, не может быть изолирован, отсечен, рассмотрен обособленно от Другого; именно в этом актуализируемое ими символическое измерение, бесконечная цепь знаков и референтов, где нет разрывов, нет пауз и моментов покоя. Сочленение голоса, травмирующего в своем предшестве нашему собственному голосу (нашему осознанию того, что мы говорим) и взгляда, требующего чистого насилия и контроля, настойчивого, (оче)видного бытия под надзором Другого, вскрывает и запускает механизм бесконечной перформативной паранойи, непрестанно длящегося спектакля, в котором субъект сам ставит себя в позицию объекта («Паранойя это голос, который озвучивает взгляд» [Лакан, 1974: 140]). Этот спектакль – марионеточный, где Я – всегда на привязи Другого, всегда в соотношении, всегда погружен в насильственный акт где-то между Голосом и Взглядом. Здесь нам кажется уместным вспомнить строки из стихотворения П. Целана «По воле ветра»:

Глаза-голоса, хором,
зачитывают себя до ран.

(Не-бывшее и Здешнее,
и то и другое сразу,
проходят сквозь сердца.)

[Целан, 2022]

Метафора объединения голоса и глаз, объединения, «зачитывающего себя до ран», использованная автором, может подчеркнуть описанный нами ландшафт привычной онтологии. Инструменты такой онтологии – это инструменты, не только самопожирющие, но и низводящие субъекта до точки растворения, в которой соединяются тягостные моменты зовущего прошлого и моменты нами переописанные, в реальности не существовавшие. Они «проходят сквозь сердца», сводя Я к статике, к замиранию в потоке голосов, требующих переописаний давно прошедших травмирующих событий, и водовороте глаз, следящих за исполнением этого требования. М. Бланшо, анализируя творчество П. Целана, пишет о том, что видение всегда сопряжено с движением: «словно идти нужно на зов тех глаз, что видят за пределами того, что можно видеть: «глаза, ослепшие к миру, глаза, заговоренные до слепоты», и смотрят (или занимают место) «в чередѣ трещин умирания» [Бланшо, 2023, с. 39]». Глаза, «развоплощенные, лишенные способности к общению, блуждающие», ведут. И ведут они в пустоту Другого.

Топика Иного. Паузы и молчание цифровой экзистенции

И именно топология цифровой экзистенции открывает выход (возможность появления выхода) для бегства (бегство от Голоса, Языка, Взгляда), актуализируя сферу молчания как часть себя. Здесь Диалог предлагает паузы, и эти паузы – моменты растерянности, моменты ускользания «в немотствование “я”», но моменты, не говорящие о замешательстве мысли в сиюминутном артикулировании слова/смысла; паузы – свидетельство замешательства самоинтерпретации себя (Я). Это своеобразная «пауза в паузе», пауза в замешательстве – стоит ли дать слово себе и О себе (?); это не страх самоидентификации, это желание обнаружения провала/зазора, в который свалятся аргументации и смыслы. Именно в паузе/молчании мы присутствуем как «я». Важно не то, что я молчу, но важен момент «когда(!)» молчит мое «Я» – не момент в определенном времени, позволяющий диагностировать ритм моего замирания (молчания), а именно сам момент как отсутствие наполненности; момент ускользает (момент – это ускользание), и именно ускользание – субстрат момента. В этом процессе обретается сама ценность момента – в пределе эстетической недосказанности влюбленной элегии, не имеющей отношения к настоящему (к реальности), но учреждающей это настоящее в качестве дилеммы – должное и долженствующее.

Здесь та актуализация голосом символического измерения, о которой мы писали выше, отходит на второй план, оставляя право действия реальному. В ускользающем моменте ускользает и тоталитарность голоса, голос становится галлюцинацией, галлюцинацией вне смыслового наполнения («как структурный результат действия механизма форклюзии (Verwerfung)» (Лакан, 2014)), выводящей травматичность зовущего и преследующего крика за предел возможности его постичь. «То, что было отвергнуто в порядке символического, возникает в реальном», – полагал Лакан [там же, с. 109]. Ж. Тьерри, другой французский психоаналитик, дополняет: «То, что было форклюзировано в символическом, возвращается в ином месте: в реальном, это придает галлюцинации особую вирулентность и достоверность [Тьерри, 2015]». Эта устойчивая галлюцинация, в виртуальном мире, парадоксальным образом

реальнее зова Другой пустоты (а следовательно, по определению должна ужасать в большей степени), но она спасительна именно по той причине, что дает субъекту осознание того, что спектакль – всего лишь спектакль, где Я безостановочно принимает нескончаемые маски Другого/Других. Галлюцинация может также объединить в одно, вобрать в себя голос и взгляд, но лишая их тоталитарной силы, «требущих» и «зовущих» механизмов. И именно атемпоральность цифровой экзистенции, ее безпространственность (ахрония и атопия, недопустимые в привычном мире), врез протоколу без пауз (как элементарный прием логического позитивизма) манифестируют протокол пауз, ставший неким профанным шибболетом психоанализа и являющийся галлюцинаторной канвой, конституирующей цифровую реальность.

Таким образом, давящие, контролирующие конструкты привычной онтологии (взгляд и голос) в мире цифры оборачиваются спасительной галлюцинацией. Эта галлюцинация не «перебивает в нас способность речи», как это, согласно М. Хайдеггеру, делает ужас [Хайдеггер, 1993, с. 22]. В акте ужасания «сущее в целом ускользает и надвигается прямое Ничто», перед лицом которого «умолкает всякое говорение [Там же]», в переживании же галлюцинаторной атемпоральности и нахождения в не-месте нет побуждения нарушить тишину во избежание подступания Ничто – напротив, тишина длится свободно, заглушая голос Другого/Других, и в этом – обретение спасительного безмолвия Иного. Для обнаружения «себя в паузе» под действием этой галлюцинации необходим над-адресат в виде некоторого провала, провала не в смысловой неполноценности смысла, а в плане возможной абсолютной неоконченности смысла; некотором не-месте (не-местности – атопии), позволяющем странным образом вмещать открытый вопрос. Идея карнавала, несерьезности предлагает переворачивать констатации (задирать подол платья фокусника – совершать непрерывные потешные кувырки, меняющие местами низ и верх, правое и левое, профанное и сакральное), показывая трансфокальную среду, в которой искусственно/насилно сформирован предел взгляда (фокус). Цифровая экзистенция и ее галлюцинаторность позволяют совершить подобный кувырок, но уже в отношении паузы/молчания (претендующей на якобы подлинный фокус в пределе морализаторского ванитас (*vanitas*)), и дать сказать невыразимому; сбежать из «марионеточности» театра Другого в сферу возможной длительности.

Заключение

Таким образом, в философии Другого (у Ж.-П. Сартра, М. Бубера и пр.) присутствует некоторая «небрежность» – Другой видится спасительным якорем, узнав о котором, можно его и забыть, и мыслить в пределах «старой» метафизики/логоцентризма. Диалог у М. Хайдеггера сродни констатации – сведению к смертности и определению человека из сферы предельной конститутивности. У Э. Левинаса же раскрывается ее (философии Другого) динамический компонент – открытие Другого не дает спасения никому: ни Другому, ни Я, открывшему Другого. Разговор, сама научная дискуссия ведется в анаморфической вспышке расширенного пространства, открытия иного пространства, это форма индивидуальной вселенной, подчеркивающей важность диалога как утверждающей/отменяющей схемы пульсирующего Я. Сами понятия, искусственно расширяя это новое пространство, физически его наполняют, создавая анаморфический объем, адресующий свои парейдолические образы во все направления парейдолического мира. Мир реципиентов — это та же парейдолическая иллюзия, но с тем условием, что она (иллюзия) потеряла свое осознание в качестве таковой (платонизм -

анамнесис). Вероятно, парейдолии необходимо убежище в качестве забвения (всполоха самоидентификации для дальнейшей трансляции себя именно в качестве иллюзии) — сфера игры, фокусов, карнавала, иронии как «формы парадоксального», как торжество «духа подлинной трансцендентальной буффонады»: «В ней [в иронии] все должно быть шуткой и все должно быть всерьез, все простодушно откровенным и все глубоко притворным... В ней содержится и она вызывает в нас чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, чувством невозможности и необходимости всей полноты высказывания [Шлегель, 1980, с. 52-53]»). И онтология, и этика дают, в этом поле противоречий и насмешек, парадоксальный разрыв и одновременный синтез: находиться в Диалоге — это значит быть вне данного времени и пространства. Вся недолгая предлагаемая метафизика (диалектика) свелась к трюизму – некоторой форме репрезентации. Очевидно, что это поле актуализируется в бесконечном длении цифрового следа - самопропадания и эфемерного (?) возвращения.

Динамически поле виртуального дает разрыв несамотождественного, впрочем, оно (поле) само является этим разрывом. В отсутствие иерархического внутреннего порядка оно не допускает антиномий в привычном понимании, а, стало быть, и синтезов. Это поле инфляции тех смыслов, которые в метафизических дискретных пространствах создают негативные пульсации (чреду бесконечно повторяющихся, идентичных двигательных рефлексов – «дурная бесконечность», порождающая кажущиеся (рекурсивные) идентичности, на самом деле замерзшие, чуждые всякого рождения нового). Инфляция в сфере виртуального становится возможной в силу необычного синестетического (идеастезия) эффекта бытия ценностей, нарушающего логику классической метафизики, но вполне естественного в сфере не-иерархичности. И в этой сфере, и только в ней, в нас молчит то, что пока еще не имеет своего голоса. В нас молчит сказанное так, что его нельзя пересказать. В нас молчит молчание.

Библиография

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. 383 с.
2. Бланшо М. Голос, пришедший извне / Сост., пер. с фр. В. Лапицкого. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 178 с.
3. Брюсов В.Я. «Тишина» // Стихотворения. Авторский сборник / Составитель: Л.Н. Асанов М.: Советская Россия, 1990. С. 131.
4. Жукаускайте А. Взгляд - (в) мое желание // Визуальное (как) насилие. Сборник научных трудов / отв. ред. А.Р. Усманова - Вильнюс: ЕГУ, 2007. С. 214.
5. Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. Пер. с фр./Перевод А.К. Черноглазова, М.А. Титовой (Значение фаллоса). М.: «Русское феноменологическое общество», издательство «Логос», 1997. 184 с.
6. Лакан Ж. Семинары. Книга III. Психозы. М.: Гнозис/ Логос. 2014. 432 с.
7. Лакан Ж. Тревога (Семинар, Книга X (1962/63)). Пер. с фр./А. Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2010. 424 с.
8. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
9. Пастернак Б. «Звезды летом» // Стихотворения и поэмы. Авторский сборник / Составитель: Л.П. Быков Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1988. С. 77-78.
10. Тьерри Ж. Галлюцинация /Пер. с фр. П. Ювченко URL: http://lacan.ru/wp-content/uploads/2017/08/lcn018_voice-1.pdf (дата обращения: 29.02.2024)
11. Тютчев Ф.И. «Silentium!» // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М.: Издательский центр «Классика», 2002. Т. I. Стихотворения, 1813—1849. С. 123.
12. Фрейд З. Жуткое (1919), URL: <https://freudproject.ru/?p=723> (дата обращения: 29.02.2024)
13. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. В.В. Бибикина. М.: Республика, 1993. 447 с.
14. Хайдеггер М. Язык / Пер. и прим. Б.В.Маркова. СПб.: Ленинградский союз ученых, 1991. С. 4.
15. Целан П. Решетка речи. М.: libra, 2022. URL: <https://flagi.media/piece/417>
16. Шлегель Ф. Из «Критических (ликейских) фрагментов» // Литературные манифесты западноевропейских

- романтиков. М.: Издательство московского университета, 1980. С. 52-53.
17. Heidegger M. "Language" in Poetry, Language, Thought. Harper Perennial Modern Classics, 2001. 188.
18. Lacan J. (1974-5) R.S.I. P.: L'Association Freudienne Internationale. P. 140.

On the threshold of anamorphic space: from call to silence

Aleksandr Yu. Kashirin

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
300026, 125, Lenina ave., Tula, Russian Federation;
e-mail: vladimir.neganov@gmail.com

Anastasiya S. Bol'shakova

Master student,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
300026, 125, Lenina ave., Tula, Russian Federation;
e-mail: nastya_b00@inbox.ru

Abstract

In this article we try to show some distance between classical metaphysics with its inherent dictate of the Other and a new possible (digital) ontology that allows radical otherness as a guarantee of escaping from the Other. The purpose of this article is to identify the characteristics of a new digital existentiality, which is emerging as a salvation space in isolation from the mechanisms of the dictate of subjectivation, mechanisms that have infiltrated, among others, the sphere of Dialogue. As a result, we come to the following conclusions: The ontology we are familiar with is realized in the middle of two poles: the gaze and the voice, between (and under) them the "Self" is formed. It does not allow silence and pauses, urgently demanding a position subordinate to the Other. Digital existentiality, in turn, opens for the subject the possibility of finding silence in detachment from topology and temporality, a silence in which voice and gaze, deprived of their supervising/calling status, turn into a saving hallucination.

For citation

Kashirin A.Yu., Bol'shakova A.S. (2024) V preddverii anamorfnogo prostranstva: ot zova k molchaniyu [On the threshold of anamorphic space: from call to silence]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (2A), pp. 3-11.

Keywords

Silence, voice, gaze, eye, moment, emptiness, Other, hallucination, virtual space.

References

1. Bakhtin M.M. Toward the philosophy of action // Bakhtin M.M. Works from the 20s. Kyiv: Next, 1994. 383 p.
2. Blanchot M. A voice that came from outside / Comp., trans. from fr. V. Lapitsky. M.: New Literary Review, 2023. 178 p.
3. Bryusov V.Ya. "Silence" // Poems. Author's collection / Compiled by: L.N. Asanov M.: Soviet Russia, 1990. P. 131.
4. Zhukauskaitė A. Look - (in) my desire // Visual (as) violence. Collection of scientific papers / resp. ed. A.R. Usmanova - Vilnius: EHU, 2007. P. 214.
5. Lacan J. Instance of the letter, or the fate of the mind after Freud. Per. from French/Translation by A.K. Chernoglazova, M.A. Titova (The meaning of the phallus). M.: "Russian phenomenological society", publishing house "Logos", 1997. 184 p.
6. Lacan J. Seminars. Book III. Psychoses. M.: Gnosis/Logos. 2014. 432 p.
7. Lacan J. Anxiety (Seminar, Book X (1962/63)). Per. from fr./A. Chernoglazova. M.: Publishing house "Gnosis", Publishing house "Logos". 2010. 424 p.
8. Levinas E. Favorites. Totality and infinity. St. Petersburg: University Book, 2000. 416 p.
9. Pasternak B. "Stars in Summer" // Poems and Poems. Author's collection / Compiled by: L.P. Bykov Sverdlovsk: Central Ural Book Publishing House, 1988. pp. 77-78.
10. Thierry J. Hallucination /Trans. from fr. P. Yuvchenko URL: http://lacan.ru/wp-content/uploads/2017/08/lcn018_voice-1.pdf (access date: 02.29.2024)
11. Tyutchev F.I. "Silentium!" // Tyutchev F.I. Complete collection of works and letters in six volumes. M.: Publishing center "Classics", 2002. T. 1. Poems, 1813-1849. P. 123.
12. Freud Z. Uncanny (1919), URL: <https://freudproject.ru/?p=723> (access date: 02.29.2024)
13. Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches: Trans. with him. V.V. Bibikhina. M.: Republic, 1993. 447 p.
14. Heidegger M. Language / Transl. and approx. B.V.Markova. St. Petersburg: Leningrad Union of Scientists, 1991. P. 4.
15. Celan P. Speech grid. M.: libra, 2022. URL: <https://flagi.media/piece/417>
16. Schlegel F. From "Critical (lyceum) fragments" // Literary manifestos of Western European romantics. M.: Moscow University Publishing House, 1980. pp. 52-53.
17. Heidegger M. "Language" in Poetry, Language, Thought. Harper Perennial Modern Classics, 2001. 188.
18. Lacan J. (1974-5) R.S.I. P.: L'Association Freudienne Internationale. P. 140.